

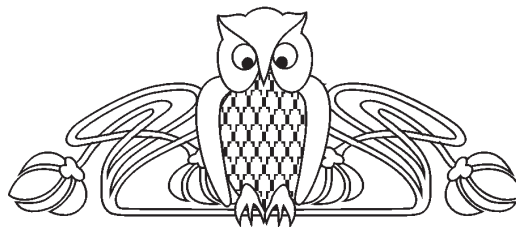

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 457–463
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 457–463
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-457-463>

Научная статья
УДК 32.019.5

Язык ненависти и манипуляция как особенности современной политической коммуникации

А. Б. Алексеев

Московский государственный областной университет, Россия, 141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Алексеев Александр Борисович, аспирант кафедры английской филологии, neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Аннотация. В современном мире наблюдается распространение так называемого языка ненависти, который особенно активно используется в рамках политической коммуникации. Этот процесс сопровождается усилением манипулятивного воздействия на общество и может рассматриваться как его частное проявление. Язык ненависти нередко предшествует революциям, серьезным социальным потрясениям, но он же может быть и средством закабаления человека государством, создающим мнимых врагов.

Ключевые слова: язык ненависти, манипуляция, политический дискурс, модель социального развития

Для цитирования: Алексеев А. Б. Язык ненависти и манипуляция как особенности современной политической коммуникации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 457–463. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-457-463>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Hate speech and manipulation as peculiarities of the modern political communication

A. B. Alexeyev

Moscow Region State University, 24 Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russia

Alexander B. Alexeyev, neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Abstract. In the modern world the so-called hate speech is gaining ground. It is particularly used within the framework of the political communication. This process is accompanied by the strengthening of the manipulative influence upon the society and it can be seen as one of its manifestations. Hate speech may precede serious social upheavals and revolutions but it can also be used as a method of enslavement of man by the all-powerful state creating the illusory enemies.

Keywords: hate speech, manipulation, political discourse, the model of social interaction

For citation: Alexeyev A. B. Hate speech and manipulation as peculiarities of the modern political communication. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 457–463 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-457-463>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вторая половина XX в. ознаменовалась борьбой народов Азии и Африки за свою независимость; одновременно в странах Запада свои права начали отстаивать меньшинства и угнетенные слои населения, в том числе женщины. В результате сформировалось определенное идеологическое движение, выдвинувшее требование уважительного отношения к каждому человеку, вне зависимости от его цвета кожи, национальности, биологического пола, сексуальной ориентации, физических и умственных способностей.

Любая идеология, являясь семиотической системой, состоящей из особых языковых зна-

ков, идеологем, создается в результате социального общения, коммуникации. Русский лингвист и философ М. М. Бахтин выразил эту мысль следующим образом: «Действительность [идеологического] знака всецело определяется ... общением. Ведь бытие знака является не чем иным, как материализацией этого общения. Таковы все идеологические знаки»¹. То, какой язык, какие слова люди используют при ежедневном общении, не просто отражает их видение мира, но и активно формирует характер их мышления, а как следствие, и саму реальность, в которой они живут. За языком, по утверждению О. С. Иссерс, встает «дух времени»².

Х. Арндт, немецко-американская исследовательница, оказавшая огромное влияние на современную политическую теорию, также подчеркивала значимость общения для людей. Она полагала, что до тех пор, пока мы существуем в обществе (нем. *sofern wir in Plural existieren*), пока мы двигаемся и действуем, только то имеет смысл, о чем мы можем говорить друг с другом или, по меньшей мере, о чем мы можем говорить сами с собой. Только то имеет смысл, что поддается «языковлению»³.

Термин «язык ненависти» (англ. *hate speech*) возник в странах Запада в результате осознания необходимости ограничить опасную риторику, призывающую к (продолжению) эксплуатации (а в крайних случаях физическому устранению) определенных слоев населения и меньшинств. Ужасы Второй мировой войны, холокост, послевоенные столкновения национальных и классовых интересов в Азии, Африке, Латинской Америке и даже индустриально развитых США убедили правительства мира пересмотреть основные идеологические постулаты, которыми они руководствовались во времена колониализма. Прогрессивные политики осознали, что «язык может быть средством уничтожения человека»⁴.

Однако возникли сложности с устранением языка ненависти из публичного дискурса. Дело в том, что само понятие «язык ненависти» остается спорным и противоречивым. И хотя в европейских странах существует ряд нормативных документов, дающих точное определение языку ненависти, реакционные политики с помощью манипуляции по-прежнему «протаскивают», казалось бы, отжившие стереотипы в пространство социального общения, и идеи, красноречиво отвергнутые Историей, возрождаются и еще находят отклик у избирателей.

Под языком ненависти имеют в виду понятие, «покрывающее все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями»⁵. Исследователи отмечают, что «в чистом виде» язык ненависти можно встретить лишь на экстремистских сайтах; в институциональных типах дискурса наличествуют лишь отдельные элементы языка ненависти, часто очень искусно замаскированные. В результате каждый, кто обвиняет политиков (журналистов) в языке ненависти, может быть сам обвинен в субъективной, пристрастной интерпретации их слов.

Существуют конкретные манипулятивные стратегии, позволяющие внедрить в публичную

речь социально неодобряемые смыслы. Так, по мнению американского ученого А. Цесиса, говорящий может употреблять на первый взгляд позитивные фразы, за которыми скрываются расистские воззрения; имплицитные смыслы, вкладываемые в высказывания, как правило, остаются незамеченными, но они на уровне бессознательного формируют общественное отношение к аут-группам, еще более маргинализируя их. Автор приводит примеры «безобидных», а на самом деле глубоко манипулятивных замечаний типа «Может, он и еврей, но он не жаден» (имплицитная посылка: «евреи жадны») или «Я обычно острожен с африканцами, но ему можно доверять» (имплицитная посылка: «африканцы опасны»). А. Цесис настаивает на том, чтобы выражения подобного рода были тоже причислены к языку ненависти, выступая против первой поправки к американской Конституции, гарантирующей неограниченную свободу слова. По мнению исследователя, люди, оправдывающие язык ненависти на основании Основного закона США, забывают, что первая поправка к Конституции была принята во времена рабства, когда права афроамериканцев игнорировались. И даже после тринадцатой поправки к Конституции, законодательно положившей конец рабству в США, язык ненависти систематически использовался с целью продвижения взглядов, вызывающих разногласия между этносами⁶.

Подробный анализ ненависти по отношению к мигрантам и мусульманам в Германии представлен в современных немецкоязычных работах. В них отмечается, что даже если объект ненависти не дает повода к отвращению и страху перед ним, то расисты и исламофобы конструируют образ внутреннего врага, как они себе его представляют (желают представить). Такое изображение врага может не иметь ничего общего с реальными мусульманами, проживающими в ФРГ, и, тем не менее, политики, занимающиеся исламофобской пропагандой, четко аргументируют свою позицию, приводят статистические данные, якобы подтверждающие криминальность и склонность к насилию большинства или *всех* выходцев из Северной Африки и Ближнего Востока. Такие статистические данные – порой неточные и предвзятые – никогда не сопоставляются с общей статистикой преступности, отражающей уровень преступности в других группах населения. В результате получается, что только мигранты и мусульмане несут ответственность за рост преступности в ФРГ⁷. Причем если антисемитские воззрения в Германии по историческим причинам вынуждены скрываться за идеологией антисионизма, антимусульманская и антимигрантская риторика все чаще беспрепятственно попадает в главные медиа страны, отчасти находя поддержку и отклик у граждан⁸. Возникла даже ультраправая партия

«Альтернатива для Германии» (AFD – Alternative für Deutschland), в сентябре 2017 г. уверенно прошедшая в Бундестаг. Основа политической программы этой партии – требование выхода ФРГ из Евросоюза и ограничение якобы неконтролируемой миграции.

В немецком публичном дискурсе используется богатое разнообразие языковых средств, направленных против мигрантов: это и инвективы (от лат. *invectio* – оскорбляю), и метафоры, и эпитеты, и гиперболы, и неологизмы. Из забвения выходят даже некоторые термины, широко использовавшиеся национал-социалистами, например, *Fremdarbeiter* (синоним более распространенного немецкого слова *Gastarbeiter*, но с более уничижительными коннотациями)⁹.

Главная цель ультраправых немецких политиков – еще более укрепить в немецком сознании распространенные стереотипы и создать новые предрассудки. Известно, что слова образуют ассоциативные связи. В немецком дискурсе правых слово «иммигрант» (*Einwanderer*) обычно несет такие смыслы, как «иностранец» (нем. *Ausländer*), «неграмотный» (нем. *Analphabet*), «человек, получающий социальную помощь» (нем. *Sozialhilfeempfänger*), «чужой набожный человек» (нем. *fremde Fromme*), «террорист» (нем. *Terrorist*)¹⁰. Все чаще под иностранцами имеются в виду только арабы и турки. Для передачи угрозы, исходящей от мусульман, используют метафорические модели с семантикой «природная катастрофа» и «болезнь», – «вторжение» мусульман в Европу уподобляют цунами, наводнению или даже чуме¹¹.

Итак, язык ненависти – это многогранный феномен, чье возникновение и активное проникновение в самые разнообразные институциональные дискурсы обусловлено резко возрастающей конфликтогенностью современного мира и изменением характера взаимоотношений между людьми. Речь идет о том, что на определенном этапе исторического развития человечество сделало выбор в пользу «мягких», манипуляционных форм воздействия, и языковое, опосредованное влияние приобрело особую актуальность, постоянно видоизменяя и трансформируя сферу социального и политического. Оно представляет собой не только ресурс официальной власти, но и способ оказания сопротивления. Как пишет М. Фуко, дискурс «может быть и инструментом власти, и ее результатом, но также препятствием власти, на которое она натывается, начальным этапом ... противостояния ей»¹².

Эта идея знаменитого французского философа получила широкое распространение в постнеклассической науке, заинтересовав ученых. Сегодня внимание научного сообщества обращено к поистине ставшим междисциплинарными понятиям «власть» и «дискурс». Неслучай-

но, что последнее обрело великое множество толкований. В лингвистике оно, например, часто рассматривается как языковое образование, превосходящее по объему предложение¹³, что создает нежелательную аналогию с термином «текст»¹⁴. Между тем еще М. Фуко подчеркивал, что «дискурсы – это не просто группы знаков ... а практики, систематически формирующие объекты, о которых они ведут речь. Конечно, дискурсы состоят из знаков, но они делают нечто большее, чем просто используют эти знаки для обозначения вещей. Именно это нечто большее не позволяет свести дискурс к языку и речи»¹⁵.

Одним из возможных подходов к дискурсу в политологии, а также ряде других гуманитарных направлений, на наш взгляд, является представление его в качестве формы интеракции между людьми – как социальной, так и индивидуальной, осуществляемой посредством языка, но полностью нередуцируемой к нему. Дискурс – это наложение и одновременно столкновение двух и более сознаний, а также идеологий, позиций, мнений, оценок и т.п. Если взять за основу такое понимание дискурса, то становится очевидным, что конфликты в ходе коммуникации практически неизбежны, и нигде это положение не находит столь наглядного проявления, как в политике, ведь классик политической теории К. Шмитт неслучайно считал оппозицию «друг – враг» чрезвычайно важной для понимания самой сути политического.

Справедливо сказать, что в политической сфере конфликт является движущим механизмом любой интеракции и от его конструктивного/деструктивного разрешения зависит будущая форма существования субъектов и объектов политики. Причем стоит допустить, что в ситуации конфликта одни группы населения стремятся к его погашению, а другие – к его эскалации. Обе стороны могут прибегать к самым различным манипуляциям, но использование языка ненависти является характерной особенностью дискурса агрессивно настроенных политиков, будь они представителями оппозиции или официальной власти, ищущей выхода из политического/социально-экономического кризиса за счет, как правило, мнимого врага – внутреннего или внешнего. Посредством создания образа «чужой», чуждой враждебной силы затушевываются реальные проблемы, стоящие перед обществом, сводятся на нет дискуссии о причинах их возникновения и последствиях нерешения. Как точно выразился американский историк, «найти козла отпущения (англ. *scapegoat*) – значит дать себе на какой-то момент передышку от необходимости ... исследовать факты и думать»¹⁶, и порой неважно, будет ли этим козлом отпущения «коллективный, враждебный Запад», соседнее государство, конкретная нация, этнос или реальный человек, – главное, чтобы адресат ощутил

для себя угрозу, поверив и откликнувшись на призывы манипулятора. Язык вражды, риторика ненависти, *hate speech*, если использовать английский термин, играют ключевую, решающую роль в конструировании круга «чужих», т.е. тех людей, на которых необходимо обрушить всю ярость граждан, обвинив их в связи с заграницей (пресловутом «иноагентстве»), аморальном поведении, противоправных действиях и т.п.

Существует несколько моделей социально-го взаимодействия. Н. В. Кузин рассматривает реактивную, акциональную и интерсубъективную модели: первая основывается на механизмах насилия, принуждения и контроля, вторая – на манипуляции, наконец, третья предполагает наличие между коммуникантами диалога, партнерства. Очевидна предпочтительность интерсубъективного подхода, но, как отмечает исследователь, на уровне общества довольно сложно добиться взаимопонимания, и «диалог ... предстает не более чем в формальном виде, на деле превращаясь в доминирование и, как следствие, в принуждение или манипуляцию»¹⁷.

Насилие было присуще человеческим коллективам с самого начала их существования, но в условиях современности роль насилия значительно снизилась. Идеология либерализма, воспринятая западными обществами, сильно пошатнула формы власти, основанные на принуждении. Со времен Великой французской революции была провозглашена независимость, свобода личности, ее равноправие и самостоятельность. Однако многие из идей эпохи Просвещения, которые непосредственно привели к 1789 г. и послужили идеологическим базисом для либерализма, не оправдали себя, и в XX в. реактивная модель управления постепенно была заменена на акциональную. Другими словами, на смену насилию пришла манипуляция, осуществляемая прежде всего посредством богатых ресурсов языка.

Область политического и является той сферой человеческой деятельности, где манипуляция имеет первостепенное значение, чем, собственно, и определяется необходимость и актуальность ее изучения в рамках политологии. По словам Е. И. Шейгал, важность изучения манипуляции обуславливается, с одной стороны, надобностью поиска оптимальных путей воздействия на аудиторию, а с другой – потребностью просвещения аудитории, ознакомления ее с настоящими мотивами и скрытыми приемами публичных ораторов¹⁸. В научной литературе, особенно лингвистического и психологического характера, уже достаточно подробно описаны наиболее часто встречающиеся приемы манипуляции. Однако проблема заключается в том, что общего, междисциплинарного понимания самого явления манипуляции не достигнуто.

Язык, власть, знания – в современной политической теории, во многом predetermined исследованиями М. Фуко, – данные понятия признаются неразрывно связанными друг с другом: с помощью языка, а также овладения основными потоками информации, реализации их потенциала воздействия на сознание легковверной, доверчивой аудитории либерально настроенные политики добились победы над своими конкурентами. Но полного, тотального контроля над знанием установить они не смогли; не только это противоречило их провозглашенным идеологическим установкам, но и стремительный технологический прогресс, в частности появление и распространение Интернета, сделал эту задачу невыполнимой. Соответственно, в пространстве СМИ, равно как на политической арене, развернулась своеобразная борьба – борьба за дискурс, за обладание правом говорить, а точнее навязывать людям свою, единственно «верную» точку зрения. Столкновение либералов и их противников привело к небывалому разрастанию манипуляции и языка ненависти, их проникновению во все сферы человеческой жизни, обслуживаемой и конструируемой разнообразными СМИ.

Этот процесс был ускорен в связи с тем, что нормы морали и нравственности не смогли сдерживать натиск негативных языковых тенденций. Напротив, они сами были сметены новыми реалиями функционирования дискурса, а общество погрузилось в состояние, которое некоторые исследователи называют состоянием после добродетели. Сегодня, как никогда ранее, наблюдается «размытие ценностно-нормативных границ морали»¹⁹, а значит, противостоять явлениям манипуляции и распространения языка ненависти обществу чрезвычайно сложно. Более нет тех моральных барьеров, «кордонов», которые бы могли послужить сдерживающим фактором. Выстраивая свою манеру поведения и говорения, используя стратегию самопрезентации, борясь за внимание и интерес адресата как ключевой фактор, обеспечивающий политический успех, политики руководствуются самыми разными критериями, но главный из них, по-видимому, – прагматический расчет, предполагающий достижение цели, в том числе аморальными и безнравственными способами.

Осознание этого приводит людей к неприятию политики, нежеланию принимать в ней какое-либо открытое или даже косвенное участие (ср. со стереотипом, закрепленным в русском языковом сознании: «Политика – грязное дело»). Современная политика нередко отвергается обывателем, а политическая коммуникация трактуется как поддельное, фальшивое, неискреннее общение, на что указывал французский социолог Ж. Бодрийяр. По его мнению,

политические смыслы благодаря новым технологиям продуцируются неограниченно широко, но социальный заказ на них падает. Массы не реагируют ни на какие события, поскольку они являются воплощением инерции, пассивными, нейтральными отражателями культуры, политики, истории²⁰.

Впрочем, необходимо признать, что государственные деятели всех времен и народов не отличались особой справедливостью и откровенностью – их энергия была направлена в первую очередь на создание прагматического эффекта. В. Е. Чернявская считает, что, по идее, политики должны маскировать свои мысли и выражаться непрямо²¹, и, может быть, даже в этом нет ничего плохого или предосудительного – это является характерной особенностью профессиональной деятельности не только политиков, но и дипломатов, рекламодателей.

По всей видимости, понятие морали в ее деонтологической (кантовской) интерпретации применимо к политике лишь с натяжкой, если вообще уместно. Скорее, в политике действовал и продолжает действовать макиавеллистический принцип построения взаимоотношений между субъектами и объектами политического процесса, основывающийся на подчинении одних другими. Характер этого подчинения исторически варьировался – в течение веков был проделан весьма длинный и трудный путь от прямых, самых примитивных силовых видов воздействия до манипуляции, представляющей собой современный, очень коварный ресурс так называемой мягкой силы (*soft power* – термин американского политолога Дж. Найя²²). Как точно замечает М. В. Пугацкий, «в социально-философском аспекте манипуляция ... тесно связана с понятием власти – отношением господства и подчинения, когда воля одного человека ... подчиняет себе волю другого человека»²³.

Мы считаем возможным при определенных условиях рассматривать язык ненависти в качестве частного проявления манипуляции. С помощью нагнетания негативных чувств и эмоций оратор способен создать псевдокартину мира, убедив адресата в необходимости мыслить и действовать определенным образом.

Справедливо сказать, что именно демократизация привела к распространению языка ненависти. И. А. Мальковская, например, рассматривает язык ненависти в качестве феномена, возникшего в странах, провозгласивших своей основной ценностью неограниченную свободу слова (первая поправка к американской Конституции!). Термин *hate speech*, по мнению автора, относится к языку пропаганды. Идеи, лежащие в основе пропаганды, прямо или косвенно ведут к вражде и неприязни на межнациональной (межрелигиозной) основе²⁴.

Как показывает в своем диссертационном исследовании П. Н. Хроменков, недавние революции в ряде стран мира были вызваны сознательным, опосредованным языковым воздействием на граждан, и язык ненависти сыграл в этом ключевую роль²⁵, что неудивительно, так как «плохой язык» (*bad language* – термин, в принципе, синонимичный понятию *hate speech*) всегда представлял угрозу обществу, был проводником опасных идей²⁶. В любом дискурсе оскорбления противника, употребление инвектив в его адрес может быть не только хамством или дискредитацией, но и вызовом. Использование языка ненависти по отношению к определенной политической системе, стране, нации и т.д. помогает заинтересованным в том лицам спровоцировать кризисное состояние, эскалировать конфликт между субъектами политического процесса вплоть до серьезных социальных пертурбаций и потрясений.

Немецкий журналист Х. Схруф пишет: «Силовой захват цитаделей государственной власти более не является необходимым условием революционного переворота ... Вместо захвата зданий правительства захватываются понятия, которые определяют государственный порядок, наши права и обязанности...»²⁷. Мысли автора созвучны мнению британского социолога З. Баумана, утверждающего, что «нет таких зданий, где находится пульт управления системы и которые могли бы штурмовать и захватывать революционеры; а также потому, что мучительно трудно, и даже невозможно, представить, как победители, оказавшись в этих зданиях (конечно, если они их все-таки обнаружат), действительно сумели бы перевернуть эти пульта управления и навсегда покончить со страданиями, побудившими их к мятежу»²⁸.

Возникает вопрос: можно ли и, главное, нужно ли противостоять языку ненависти? Есть ли какие альтернативы той риторике, которую отдельные политические деятели с успехом применяют для достижения своих корыстных целей, манипулируя сознанием адресата, навязывая ему псевдокартину мира, сгущая краски? Как нам видится, единственный способ избежать многих конфликтов – перейти в субъект-субъектные отношения, отказаться, насколько это возможно, от манипуляции и насилия. Вместе с тем мы признаем сложность и даже потенциальную невыполнимость в ближайшее время данной задачи. От участников политического процесса потребовалось бы столько доброй воли и мужества, что действительно можно усомниться в достижимости какого-либо компромисса. Тем не менее стоит надеяться, что рост образованности общества, более критический взгляд людей на информацию, с которой они ежедневно сталкиваются, рано или поздно

обезоружит манипуляторов, заставит их перейти от языка ненависти и использования стратегии дискредитации противника к конструктивному диалогу и с оппозицией, и с обществом. Задача ученого в этой связи – способствовать просвещению населения, поскольку, если говорить словами Н. Фэркло, «осознание – первый шаг к освобождению»²⁹.

Изучение языка ненависти и манипуляции как отличительных черт современной политической коммуникации актуально и жизненно необходимо. Важно показать, что обращение к языку ненависти является, по сути, манипулятивной стратегией, нацеленной на подчинение аудитории воле манипулятора. Создать образ врага – это удобный способ уйти в сторону от необходимости обсуждать актуальные проблемы и искать реальные причины их возникновения. Это тот обманчивый маневр, который политики используют для завоевания и удержания власти, иногда незаконным и почти всегда аморальным путем.

Кстати, опасен язык ненависти, вражды, агрессии не только для общества, но и для здоровья индивида, ибо слова являются «мощной энергетической сущностью» и напрямую связаны с психоэмоциональным состоянием человека. Как отмечает В. И. Шаховский, использование такого языка часто «свидетельствует о происходящих в сознании человека деградиционных процессах, ослабляющих его физически, психически и ментально»³⁰.

Считая и язык ненависти, и манипуляцию негативными явлениями современности, от которых желательно избавляться, мы все же вынуждены признать, что с чисто прагматической точки зрения и манипуляция, и язык ненависти – это в условиях далеко не совершенной (в хабермасовском смысле) политической коммуникации мощное оружие, способ оказания необходимого воздействия на адресата, побуждение его к определенным политическим действиям. Это один из путей завоевания политического доверия наивной аудитории. И если, руководствуясь этическими постулатами, такие средства достижения цели нельзя оправдать, то смотря на проблему в прагматическом ключе (т.е. по принципу «цель оправдывает средства»), мы сталкиваемся со сложностью и внутренней противоречивостью политики, где, как уже отмечалось ранее, кантовская, деонтологическая модель морали никогда с исторической точки зрения не была доминантной – в политике преобладали макиавеллизм и холодный расчет.

Современная политика представляет собой многоаспектный, комплексный феномен, сотканный из самых различных дискурсивных практик. Их всестороннее изучение невольно выводит исследователя в область политического языка, ставшего предметом сравнительно юной, но ак-

тивно развивающейся дисциплины – лингвистической политологии, которая в идеале должна стать междисциплинарным направлением, привлекать научные сведения и данные не только из лингвистики и политологии, но и социологии, культурологии, психологии и многих других гуманитарных областей знания.

Примечания

- ¹ Общая психоллингвистика : хрестоматия / сост. К. Ф. Семенова. М. : Лабиринт, 2004. С. 69.
- ² Иссерс О. Речевое воздействие : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2009. С. 6.
- ³ Цит. по: Emcke C. Weil es sagbar ist : Über Zeugenschaft und Gerechtigkeit. Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch, 2016. S. 167.
- ⁴ Тинякова Е. Язык как форма существования культуры и концепция нелингвистического позитивизма. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. С. 6.
- ⁵ Колосов С. Конструирование социальной ненависти в дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. С. 6.
- ⁶ См.: Tsesis A. Destructive Messages : How Hate Speech Paves the Way for Harmful Social Movements. New York : New York University Press, 2002. P. 4.
- ⁷ См.: Emcke C. Op. cit. S. 155.
- ⁸ Ibid. S. 150.
- ⁹ См.: Kujawa I. Der Politische Diskurs als Gegenstand der Linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006–2010. Frankfurt am Main : Peter Lang Edition, 2014. S. 150.
- ¹⁰ Ibid. S. 147.
- ¹¹ Ibid. S. 150.
- ¹² Foucault M. The History of Sexuality : in 3 vols. Vol. 1. An Introduction. Hammonsworth : Penguin, 1978. P. 101.
- ¹³ См.: Mills S. Discourse. London : Routledge, 2004. P. 116.
- ¹⁴ См.: Карамова А. Текст и дискурс : соотношение понятий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. 2013. Т. 10, № 2. С. 19–23.
- ¹⁵ Foucault M. The Archeology of Knowledge and the Discourse on Language. New York : Pantheon, 1972. P. 49.
- ¹⁶ Frederick A. Since yesterday, the 1930s in America. New York : Harper & Row Publishers, 2013. P. 234.
- ¹⁷ Кузин А. Манипуляция в структуре социального взаимодействия : дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2012. С. 59.
- ¹⁸ См.: Шейгал Е. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. С. 6.
- ¹⁹ Ефанов А. Моральные паники как фактор социальных изменений : дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2016. С. 3.
- ²⁰ См.: Baudrillard J. In the Shadow of the Silent Majorities and Other Essays. New York : Columbia University Press, 1983. P. 2.
- ²¹ См.: Чернявская В. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия. М. : Флинта ; Наука, 2006. С. 10.

- ²² См.: *Nye J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs, 2004.
- ²³ *Пугацкий М.* Манипуляция как пограничное состояние человека // Альманах современной науки и образования. 2014. № 11 (89). С. 113.
- ²⁴ См.: *Мальковская И.* Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М. : КомКнига, 2005. С. 151.
- ²⁵ См.: *Хроменков П.* Лингвопрагматика конфликта (исследование методом количеств контент-анализа) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. С. 13.
- ²⁶ См.: *McEnergy T.* Swearing in English. Bad Language, Purity and Power from 1586 to the Present. London : Routledge, 2009. P. 124. <https://doi.org/10.4324/9780203501443>
- ²⁷ *Shrouf A.* Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels : am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949–1998. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2006. S. 26.
- ²⁸ *Бауман З.* Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. С. 12.
- ²⁹ *Fairclough N.* Language and Power. London : Longman Group, 1989. P. 1.
- ³⁰ *Шаховский В.* Диссонанс экологичности в коммуникативном круге : человек, язык, эмоции. Волгоград : Изд-во ИП Поликарпов, 2016. С. 27.

Поступила в редакцию 20.07.2021, после рецензирования 04.09.2021, принята к публикации 10.09.2021

Received 20.07.2021, revised 04.09.2021, accepted 10.09.2021